

СОДЕРЖАНИЕ

Введение · 9

Глава 1. Диархия демократии · 35

Значение и поддержание демократических процедур · 38; Что такое демократическая диархия? · 47; Представительная демократия · 51; Докса, политика и свобода · 61; Интеграция и консенсус · 75; Когнитивная роль мнения · 83; Политические разделения и партийные мнения · 87; Правление опирается на мнение · 93; Политическое гражданское право · 96; Барьеры, возможности и самоустранение · 101; Несбалансированная власть голоса · 105; Коммуникативная власть · 115; Цепочка косвенности · 118; Два понятия свободы · 126; Новая проблема · 130; Распределение и концентрация · 133; Две точки зрения · 137; Назад к демократическим процедурам · 143; Заключение · 154

Глава 2. Неполитическая демократия · 157

Миф о неполитическом · 162; Критика изнутри · 172; Инструмент истины · 178; Негативная власть суждения · 204; Республика разума · 223; Судебное суждение и политическое суждение · 236; Заключение · 244

Глава 3. Популистская власть · 247

Социальные движения и популизм · 249; Популизм: введение · 252; Конкуренция за представление народа · 259; Демагогия, социальный конфликт и более интенсивное большинство · 263; Сложный феномен · 276; Моноархическое исправление демократии · 289; Поляризация, упрощение, аккламация · 300; Народ · 304; Populus и плебс · 314; Заключение · 319

Глава 4. Плебисцит зрителей и политика
пассивности · 321

Призыв к народу · 325; Что такое плебисцит · 330; Голосование или плебисцит · 334; Форма и материя · 337; Публика-зритель и тайное голосование · 345; Вопрос веры · 354; Кризис парламентской демократии · 361; Цена публичности · 387; В чем смысл наблюдения? · 392; Демократия зрителей · 397; Римская модель · 404; Речь на форуме · 411; Заключение · 417

Заключение · 421

Благодарности · 443

*Посвящается
моим студентам*

Введение

ОБЛИК — это внешне узнаваемая форма, совокупность наблюдаемых характеристик, отличительные черты лица, которые позволяют его узнать. У каждого из нас есть свой фенотип, по которому другие нас узнают. Наш облик, таким образом, важен для нас, поскольку наша внешность уникальна именно благодаря чертам, его составляющим. В этой книге я использую аналогию с телесным обликом для изучения некоторых типов искажения демократии. В политической мысли аналогия с «телом» использовалась с самых первых размышлений о политике. В теориях политической легитимности главным вопросом выступала сущность политического тела, то, что определяет его в качестве политического. Так, Жан-Жак Руссо доказывал, что если граждане подчиняются законам, которые не сами они устанавливают, система, при которой они живут, не является политической, хотя они и могут так ее называть, поскольку автономия их суверенной воли — вот сущность, составляющая политическое тело. Но я буду следовать не этому образцу. Я не буду изучать сущность политического суверенитета. Скорее я использую «облик» или видимые очертания в качестве указания на политический порядок, то есть в качестве своеобразного фенотипа, по которому мы распознаем тот или иной порядок в его отличии от других систем. Тиранический режим характеризуется определенными чертами, то есть имеет такой облик, по которому наблюдатель может уверенно судить о природе этого режима; к его чертам относится отсутствие регуляр-

ных выборов, разделения власти и билля о права. Точно так же демократическое общество обладает определенными признаками, принадлежащими только ему и позволяющими его опознать. И в том облике, который демократия являет миру, я обнаруживаю определенные искажения. Вот в каком смысле я использую эту аналогию в данной книге. В первой главе я дам портрет основных черт, составляющих облик демократии, то есть процедур, институтов и публичного форума мнений. В последующих главах я займусь выявлением и анализом некоторых типов искажения, которые, пусть они и не меняют формы правления, могут считаться заметными изменениями во внешне наблюдаемых качествах демократии. Слово «искажение» предполагает негативную оценку, а не только описание. Три типа искажения, которые я описываю в этой книге, представляются весьма тревожными переменами. Выявляя и анализируя их, я намереваюсь привлечь внимание читателей к этим нарушениям, чтобы как-то исправить их, а в заключении я предлагаю несколько правовых нововведений.

Предлагаемое мной исследование вращается вокруг идеи демократии как правления посредством мнения. В частности, как я объясняю в первой главе, оно опирается на посылку, согласно которой представительная демократия является *диархической системой*, в которой «воля» (под которой я имею в виду право голосовать, а также процедуры и институты, которые регулируют формирование правомочных решений) и «мнение» (под которым я подразумеваю внеконституционную область политических мнений) влияют друг на друга и действуют совместно, не сливаясь при этом друг с другом¹. Общества, в ко-

1. Бернар Манен выразил эту идею через пространственную метафору разрыва между «высокой волей» и «низкой волей»: *Manin B. The Principles of Representative Government. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 205.* Образ диархии, используемый мной, отражает ту же идею, однако он избегает отсылки к иерархическому порядку.

торых мы живем, являются демократическими не только потому, что в них есть свободные выборы и несколько политических партий, конкурирующих друг с другом, но и потому что они допускают эффективную политическую борьбу и столкновения различных соперничающих друг с другом мнений; они обещают, что выборы и форум мнений сделают институты местом легитимной власти, выступающей одновременно объектом контроля и проверки. Концептуальное описание представительной демократии в качестве диархии включает два тезиса: во-первых, воля и мнение — это две сферы власти суверенных граждан; во-вторых, они различны и должны оставаться обособленными, хотя и нуждаются в постоянной коммуникации. Основываясь на этой посылке, я предлагаю теоретико-критическое исследование трех наблюдаемых черт, которые в недавнее время проявились в современных демократических странах и стали предметом исследования политологов, исследований, призванных решить проблему неудовлетворительности результатов, порождаемых демократическими процедурами. К этим чертам относятся эпистемические и неполитические искажения делиберации, а также реакция популизма и плебисцита зрителей, выступающих против представительной демократии. Эпистемические воззрения, популизм и плебисцит зрителей, каковым бы ни были их различия, предполагают односторонний и выражающий презрение к диархической конфигурации демократии взгляд на форум мнения.

Конечно, неудовлетворенность демократией сама является частью истории демократии, в демократических обществах она постоянно воспроизводится, а право на свободу слова и свободу собраний, имеющееся у граждан, позволяет искренне и публично высказывать эту неудовлетворенность. Демосфен говорил, что Афины — это город, позволяющий своим гражданам ставить конституцию Спарты выше афинской, Николло Макиавелли возражал критикам народного правления, указывая на то, что «о нем всякий может злословить свобод-

но», а Александр Майклджен во время холодной войны заявил, что в США следует позволить критикам-коммунистам свободно высказываться, поскольку «бояться идей, любой идеи, — значит быть не готовым к самоуправлению»². Терпимость и свобода слова позволили афинской демократии развиваться вместе с ее «врагами», олигархами, и это доказало либеральный характер афинского общества, которое не отказывало ни своим противникам, ни иностранцам в свободе выражения, поэтому у Еврипида Федра желает, чтобы ее дети жили там «свободные и гордые»³. Что касается современных демократий, где свободы защищаются биллями о правах и писаными конституциями, на процесс их стабилизации в последние два с половиной века важное влияние оказывали противники демократии, которые временами даже приостанавливали его. Однако с завершением холодной войны эта форма правления смогла завоевать всемирное признание. Сегодня у демократии нет легитимного конкурента; трудно представить какой-то другой тип правления, который бы относился к гражданской и политической свободе с бóльшим уважением.

Однако планетарное одиночество демократии не делает ее неуязвимой. Недавно теоретики политики стали

-
2. *Демосфен*. Против Лептина об ателии // Речи. В 3-х томах. М.: Памятники исторической мысли. 1994. Т. 1. С. 42; *Макьявелли Н.* Рассуждение о первой декаде Тита Ливия // Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: НФ «Пушкинская библиотека», АСТ, 2004. С. 258; *Meiklejohn A.* Free Speech and Its Relation to Self-Government // *Political Freedom: The Constitutional Power of the People*. New York: Harper, 1960. P. 27.
3. Платон считал, что «в Афинах... принята самая широкая в Греции свобода речи». См.: *Платон*. Горгий, 461e. // Собр. соч.: В 4-х томах. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 494; *Еврипид*. Ипполит // Трагедии. М.: Художественная литература, 1969. Т. 1. С. 241; *Ober J.* Athenian Legacies: Essays on the Politics of Going on Together. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2005, особенно P. 4, 99; *Wallace R. W.* The Power to Speak — and Not to Listen — in Ancient Athens // *Free Speech in Classical Antiquity* / I. Sluiter, R. M. Rosen (ed.). Leiden: Brill 2004. P. 221–225.

указывать на возникновение двух сопутствующих друг другу феноменов, выступающих поводом для беспокойства: с одной стороны, это приватизация и концентрация власти в сфере формирования политического мнения, а с другой — рост демагогических и поляризованных форм консенсуса, которые раскалывают политическую арену на узкопартийные, враждебные друг другу группы. И это не какие-то случайные характеристики, а признаки преобразования публичной сферы в массовых демократиях, вызванные столь разными явлениями, как упадок легитимности политических партий, выступающих инструментами представительства, и эскалация экономического неравенства. Оба феномена оказывают прямое воздействие на распределение «права голоса» и влияния в политике.

В середине XIX века Джон Стюарт Милль предположил, что газеты смогут воссоздать в больших обществах ту форму непосредственности и близости, которая была присуща общению в античных республиках, когда граждане собирались вместе на законодательном собрании, напрямую взаимодействуя друг с другом на агоре или форуме. По мысли Милля, современными средствами коммуникации будет построен нематериальный форум мнений, посредством которого общественно значимые вопросы будут выноситься на публичную арену, а политики и институты будут подчинены суждению публики, состоящей из писателей и читателей⁴. Плю-

4. *Mill J.S. Considerations on Representative Government // The Collected Works / J. M. Robson (ed.). Toronto: University of Toronto Press, 1977. Vol. 19. P. 432.* В 1929 году Линдсей утверждал: «Благодаря широкому вещанию весь мир может в каком-то смысле стать публичным собранием... Задолго до изобретения радио нечто подобное делали профессиональные репортажи и дешевая пресса. Они превратили представительную ассамблею в платформу для публичного собрания. На ней люди, конечно, говорили и друг с другом, но все больше — с невидимой публикой, стоящей позади». См.: *Lindsay A. D. The Essentials of Democracy. 2nd ed. London: Oxford University Press, 1930. P. 24.*

рализм средств информации в таком случае отражал бы плюрализм идей и интересов, и оба они в равной мере выступали бы важными ограничениями, мешающими развитию новой тиранической формы власти, складывающейся как раз из общественного мнения. Через сто лет после Милля Юрген Хабермас также заявил, что публичный форум существует для демократии при условии, что он остается публичным, плюралистическим и независимым от всевозможных частных интересов. Еще в 1962 году Хабермас прозорливо описал аккламацию как стиль, который способен исказить публичную сферу в массовой демократии⁵.

Моим главным предметом выступает здесь «мнение», а не воля; я интересуюсь проблемами, которые возникают в границах области мнения, но при этом не обязательно принимают ту форму, которая бы заставила нас задавать базовый вопрос: «Как защитить свободу слова от власти государства?». Напротив, проблема в том, как публичный форум идей способен оставаться общественным благом и играть свою когнитивную, критическую и контрольную функцию, если информационная индустрия, сильнее всего влияющая на политику «во многих частях света принадлежит относительно небольшому числу частных лиц»⁶. На политической арене, где столь важным персонажем

5. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / T. Burger (trans.). Cambridge, MA: MIT Press, 1991, особенно P. 211–222.

6. *Dunn J.* Democracy: A History. New York: Atlantic Monthly Press, 2005. P. 175; *Sartori G.* Comparative Constitutional Engineering: An Inquiry into Structures, Incentives and Outcomes. 2nd ed. New York: New York University Press, 1997. P. 133. То же самое можно сказать о коммуникационных сетях в целом, которые «в основном принадлежат глобальным мультимедийным корпоративным сетям, управляющим ими», и хотя государства являются частями этих сетей, «сердце глобальной коммуникационной сети подключено к финансовым инвесторам и финансовым рынкам, в значительной степени определяясь ими». См.: *Castells M.* Communication Power. Oxford: Oxford University Press, 2009. P. 424.

оказывается «видеовласть», а «склонность к аккламации», как указывали некоторые исследователи, приобретает все большее влияние, раздел собственности в сфере массмедиа должен помочь предотвратить «эффект Берлускони»⁷, то есть плебисцитарное искажение, которое подтолкнуло меня к написанию этой книги⁸. Однако в других книгах высказывалась озабоченность тем, что распространение информации не может само по себе быть достаточным условием ограничения гомогенности. Интернет удивительно успешно распространяет информацию, но он же, как правило, сосредотачивает миллионы людей вокруг установок, которые, как замечает Касс Санстейн, основаны на подражании и стремлении к воспроизведению и радикализации старых форм лояльности, обусловленных предрассудком и предвзятостью⁹. Сетевое распространение информации склоняет граждан к воинственному сектантству, формированию гомогенных, автореферентных ниш одинаково настроенных активистов, причем даже в большей степени, чем концентрация средств информации [в руках немногих]. Снижение доли граждан, принимающих участие в выборах и фрагментация публики — два взаимосвязанных феномена, которые следует рассматривать в качестве указаний на метаморфозы представительной демократии или вызовы ее диархической структуре, брошенные изнутри. В этот современ-

7. *Baker C.E. Media Concentration and Democracy: Why Ownership Matters.* Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 18.

8. Тот факт, что г-н Сильвио Берлускони больше не является премьер-министром, не отменяет мои исходные соображения, поскольку раз он мог получить столь сильную позицию за счет форума, у представительной демократии есть проблема. Она заключается в том, как организуется, складывается и выражается мнение. Феномен Берлускони внутренне присущ диархической структуре демократии, являясь, как я доказываю в этой книге, ее «внутренним» вызовом.

9. *Sunstein C.R. Infotopia: How Many Minds Produce Knowledge.* Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 5–19.

ный сценарий, который в той или иной степени относится ко всем сложившимся демократиям, я вписываю теоретический анализ трех форм искажения демократической политики, то есть эпистемической, популистской и плебисцитарной форм, которые выступают либо как реакция на тот факт, что демократия — это правление мнения, осуществляющееся посредством мнения, либо как его инструментальное использование.

В последние десятилетия популистские и плебисцитарные формы демократии в основном обнаруживались в развивающихся демократических государствах, например, в Латинской Америке или в постсоветской России. Но потом они возникли и в сложившихся, то есть западных демократиях. В некоторых европейских странах мы наблюдали за появлением различных форм плебисцитарной идентификации с публично известными лидерами, которые благодаря своей популярности и харизме словно бы получили прямой мандат от своей аудитории; и точно так же мы стали свидетелями некоторых популистских заявлений, нацеленных на представление всего народа в целом или истинного значения ценностей и истории нации. Для осмысления этой новой формы популистской политики *медиакратического* толка некоторые исследователи стали применять термин «видеократия»¹⁰. Другие скептически отнеслись к демократическому значению интернета и указали на «социальный каскад» и «групповую поляризацию» — два разных, но перекрывающихся процесса, которым, видимо, демократия не способна противостоять, не ограничивая свободу слова и коммуникации¹¹. Третьи, наконец, предположили, что демократия деполитизирует сама себя, снижая роль как законодотворче-

10. Sartori G. Homo videns: Televisione e post-pensiero. Roma-Bari: Laterza, 1997.

11. Sunstein C. R. On Rumors: How Falsehoods Spread, Why We Believe Them, What Can Be Done. New York: Farrar, Strauss and Giroux, 2009.

ства (парламентов и голосования), так и медиа, но увеличивая эпистемическое применение делиберативных процедур для подготовки или продвижения неполитических, менее предвзятых и более компетентных решений¹². Явления, критикуемые этими авторами, определяют весьма специфические, уникальные проблемы, если сравнивать их с прежними искажениями демократии, и они заставляют нас пересмотреть власть и роль форума. Задача демократических обществ состоит в разработке правовых и культурных стратегий, которые бы устранили угрозу демагогии в эпоху, когда «демагогия становится научной», не урезая при этом свободы и не уничтожая политическую природу делиберации, а также процедурную и представительную конфигурацию демократии¹³. В заключении я предлагаю некоторые общие соображения касательных этих стратегий, согласующиеся с диархической природой демократии.

Эпистемическая теория стремится привнести рациональность и знание в демократическую политику, чтобы изменить ее природу, основанную на мнении. Миф технического правления (то есть правления экспертов по финансам), набирающий сегодня силу в европейских странах, и пренебрежительное отношение к парламентской политике, им вызванное, — красноречивый пример этого эпистемического видоизменения. Как я объясняю во второй главе, распространение в последние годы эпистемических воззрений и практик свидетельствует о конфликтном отношении между «доксой» и «эпистемой». Защита истины от мнения приводит к односторонней интерпретации публичности как процесса просвещения, который должен очистить политику от идеологической конкуренции. Эпистемический поворот в публичной сфере, хотя он и преследу-

12. Эти взгляды я обсуждаю во второй главе.

13. *Ackerman B. The Decline and Fall of the American Republic. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010. P. 26.*

ет благородную цель, желая одарить толпу мудростью, способен исказить характерный для демократии какофонический, «случайностный» облик, который существенен для пользования политической свободой. На противоположной стороне находится популизм, который представляет собой ту общеполитическую трансформацию форума мнений, которая принижает диархию демократии. Как я намереваюсь доказать в третьей главе, популизм способствует поляризации и опрошению общественных интересов и политических идей, а потому использует мир мнения и критической оценки в качестве всего лишь инструмента по достижению единства народа, внеположного его частям и их превосходящего. Наконец, плебисцитарная демократия наделяет публичную сферу преимущественно эстетической функцией, и хотя она не отвергает диархии демократии, она сводит роль форума к формированию авторитета лидера. Как я покажу в четвертой главе, визуальный характер медийной коммуникации и информации облегчает формирование феномена вуайеризма, при котором публичная демонстрация жизни лидера должна вызывать зрительское наслаждение, не предполагая при этом контроля или проверки. Существование «на глазах у народа»¹⁴ приводит к оказывающей глубокое воздействие на представительную демократию эстетической трансформации публичной сферы, поскольку она изменяет сами понятия гражданства и политического представительства.

Из того, что представительная демократия является правлением мнения, следует, что граждане участвуют в ней посредством голосования, зная и видя то, что делает правительство, и предлагая альтернативные программы действий. Публичный форум мнений означает, что государственная власть открыта для предложений и проверки, являясь действительно публичной—во-пер-

14. Это выражение я взяла из работы, которую буду подробно обсуждать в третьей главе: *Green J.E. The Eyes of the People: Democracy in the Age of Spectatorship. Oxford: Oxford University Press, 2010.*

вых, потому что закон требует ее отправления на глазах у народа (то есть в соответствии с нормами и при условии открытости судебным органам и прессе, которые могут ее проверить), а во-вторых, потому что она никому не принадлежит, ведь выборное назначение на посты означает то, что суверенная власть утратила свое специфическое месторасположение и воплощение, перестав быть чьим-то исключительным владением. Соответственно, я выделяю три роли доксы в публичном форуме современной демократии — когнитивную, политическую и эстетическую. По отношению к ним можно выявить формы искажения, хотя точнее было бы говорить о «радикализации», поскольку они состоят в преувеличении или подчеркивании одного качества диархического порядка в ущерб остальным. Именно так я предлагаю интерпретировать эпистемическую, популистскую и плебисцитарную разновидности искажений: все они являются возможными радикализациями той или иной из трех ролей форума мнений, возникающими внутри представительной демократии и помечающими ее внутренние пределы. Хотя эти изменения не стремятся к какой-либо смене режима, поскольку не ставят под вопрос «волю» или демократическую систему как таковую, они заметно меняют внешний облик демократии¹⁵.

Политические философы смотрят на представительную демократию с точки зрения демагогии как риска, заключенного в партийном политическом суждении. Они указывают на вызванное предвзятостью искажение политических вопросов, выталкиваемых на поверхность избирательной борьбой, и утверждают, что сниже-

15. Следуя традиции Хабермаса, Клаус Эдер предложил интересный анализ каждого из этих трех аспектов публичной сферы в своей статье «Трансформации публичной сферы и их влияние на демократизацию»: *Eder K. The Transformations of the Public // La democrazia di fronte alio Stato: Una discussione sulle difficoltà della politica moderna / A. Pizzorno (ed.). Milano: Feltrinelli, 2010. P. 247–279.*

ние роли демократических процедур, таких как голосование за представителей или на референдумах, могло бы освободить демократию от демагогии, неизбежно создаваемой политическими мнениями. Деполитизация демократии за счет расширения области беспристрастных решений, принимаемых судами, экспертными комиссиями, совещательными группами и неполитическими органами власти по таким ключевым вопросам, как национальный бюджет, — ответ, предлагаемый той концепцией, которую я буду называть «демократическим платонизмом», то есть философским снятием демократии, представляющим собой наиболее радикальный и настойчивый вызов, брошенный демократии, пусть даже во имя ее самой. Эпистемические и неполитические подходы, похоже, отождествляют демократию с популизмом, когда полагают, что на политические формы поиска согласия невозможно воздействовать беспристрастным знанием. Предсказуемый вывод из этого диагноза звучит так: для ограничения популизма потребовалось бы изменить облик демократии или освободить ее от «порока» политической партийности, неизбежно порождаемого избирательной борьбой и представительными институтами. Враг здесь — «докса». Однако усовершенствование политической природы демократии за счет ее превращения в процесс получения «верных результатов»¹⁶, а не просто тех, что обоснованы процедурами и конституцией, ведет к сужению, а не спасению демократии. Вполне законная озабоченность демагогией выливается в этом случае в решения, которые, найди они практическое воплощение, могли бы поставить под вопрос обоснованность демократической политики мнениями и, по сути, исказить демократию. Вот что я предлагаю называть демократическим платонизмом, представляющим собой вечный миф о царе-философе, ныне облачаемый в коллективные и эгалитар-

16. *Estlund D. Democratic Authority: A Philosophical Framework.* Princeton, NJ: Princeton University Press, 2007. Chap. 1.

ные одежды. Толпа, состоящая из людей, которые, стоит только предоставить им определенные данные и техники обсуждения, достигнут правильного результата, все же не обязательно будет демократическим собранием, даже если оно эгалитарно. Равенство в чем-то, пусть и важном (например, знании), не имеет никакого отношения к демократии или политическому равенству¹⁷.

На другом конце спектра находятся популизм и плебисцитаризм, которые предлагают не менее радикальную перелицовку, поскольку они рассматривают сферу общественного политического мнения в качестве территории, которую необходимо — при поддержке толпы зрителей — завоевать под руководством умелых лидеров и всеобъемлющих идеологий. В противоположность теории и практике представительной и конституционной демократии, в этих случаях мнение не является властью, которая нужна, чтобы оглашать гражданские требования, надзирать за институтами и разрабатывать альтернативные политические программы. Как мы увидим, популизм и плебисцитаризм — не тождественные феномены. Однако они сходятся в том, что бичуют институты-посредники, например политические партии и парламенты, а также продвигают персоналистские формы представительства, взывая к сильной исполнительной власти. И популизм, и плебисцитаризм превращают об-

17. К сторонникам эпистемического эгалитаризма я хотела бы обратиться с той критикой, которую Ганс Кельзен адресовал социалистическим эгалитаристам: «Запрос на всеобщую, а потому равную свободу требует всеобщего, а потому равного участия в управлении... Пока идея равенства означает нечто отличное от формального равенства в свободе (то есть в политическом участии), она не имеет никакого отношения к демократии. Проще всего это понять по тому, что всеобщего материального и экономического равенства, но не политического и формального, при авторитарно-диктаторской форме государства можно добиться столь же, если не более, успешно, чем при демократической форме государства». *Kelsen H. Vom Wesen und Wert der Demokratie* (1929), английский перевод: *Kelsen H. The Essence and Value of Democracy* / B. Graf (trans.). Rowman & Littlefield Publishers, 2013. P. 86.

щественное мнение в игру слов и образов, которая сводит политику к процессу вертикализации, но при этом они утверждают, что намерены вернуть политику народу, а народ — политике.

Во всех этих трех случаях на первый план выходит тот факт, что демократия основана на мнении. Эти интерпретации акцентируют три разных отношения к док-се, которые могут использоваться в качестве ориентира при интерпретации того, как именно они выстраивают демократию. Если платоническая или эпистемическая теория предлагает вывести доксу за пределы демократической политики и сделать из последней диархию воли и разума, то популизм пользуется доксою как активной стратегией гегемонического объединения народа, которое претендует на тождество с волей суверена; тогда как плебисцитаризм, хотя он признает диархическую систему и сохраняет отделение электорального момента от мнений, превращает доксу в название для сфабрикованных видеорежиссерами образов, на которые реагирует народ. Пусть по разным причинам и с разными целями, но все эти решения — эпистемическое, популистское и плебисцитарное — искажают демократию, вторгаясь в природу одной из двух ее властей, то есть форума мнений, видоизменяя ее роль и применение. Кроме того, все они предлагают существенно пересмотреть или даже упразднить процедурный характер демократии, от которого зависит ее диархический облик.

В конечном счете я бы сказала, что есть два взгляда на демократию, которые сталкиваются друг с другом в современной политической теории и практике: один поддерживает политический процедурализм, считая его лучшей *нормативной* защитой демократии и, по сути, истинным обликом представительной демократии, поскольку он позволяет соблюдать диархический характер такого типа правления; другой же видит в делиберативных процедурах и политическом оспаривании инструмент для более высокой цели — истины, конструирования народа-гегемона или же создания граждан-зрителей.

Эпистемическое, популистское и плебисцитарное мировоззрения, хотя они и различаются, представляют собой зеркальные отражения друг друга, сходящиеся в позиции, которая отрицает нормативный характер политических демократических процедур и той формы, которые они принимают в представительной демократии. Цель их критики заключается в перестройке демократической власти с ориентиром либо на процесс принятия решений, оцениваемый с точки зрения правильности производимого им результата, либо на однородный суверенный народ, чей голос довлеет над обычными правилами игры, либо, наконец, на «зрение», а не «голос», то есть на превращения публики в пассивную аудиторию, с неослабевающим любопытством взирающую на дела лидеров, но не стремящуюся принять в них участие. Три эти предложения по перестройке демократии соперничают с представительной демократией на территории представительства, поскольку оспаривают значение и функцию публики, которая и есть исконная область политического представительства.

В данной книге я разворачиваю эти интерпретации и утверждаю, что они намечаются всякий раз, когда мы истолковываем демократию в качестве правления посредством мнения, действующего за счет определенных процедур в рамках надежной системы прав и разделения государственных властей, то есть в рамках организации, которая должна распределять, контролировать и раздроблять, а не концентрировать или возносить власть (а вместе с ней и мнение как форму власти). Эти рамки являются также посылкой, заставляющей меня признать нарушения и сбои в современной демократии, планетарный успех которой снижает ее защищенность от собственных проблем¹⁸. Все указанные

18. Убедительный анализ «сегодняшних боев и симптомов расстройств демократии» см. в: *Offe C. Crisis and Innovation of Liberal Democracy: Can Deliberation Be Institutionalized? // Sociologický časopis / Czech Sociological Review. 2011. Vol. 47. P. 447–472.*

типы искажения позволяют нам, пусть у них и не было такой цели, лучше распознать риски, угрожающие современной демократии. Более того, они заставляют нас осознать то, что, хотя демократические процедуры в конце XX века добились на практике полного признания, в теории демократии они были вытеснены на обочину, когда их посчитали функционалистским методом, лишенным нормативного значения. И то, что в то же самое время их атаковали сторонники эпистемических, популистских и плебисцитарных взглядов, говорит о невнимании к ним теории демократии, которая несет ответственность за их превращение в сферу, отданную на откуп реалистам, сомневающимся в их нормативном значении и природе. В заключении я, соответственно, предлагаю теории демократии заново утвердить нормативное значение демократического процедурализма как ответственного обещания соблюдать равные политические свободы граждан.

Облик, предъявляемый демократическим обществом миру и позволяющий, собственно, опознавать его в качестве демократического, — это, прежде всего, индивидуальное избирательное право, которое требует своего свободного, простого и необременительного осуществления, а также подсчета в соответствии с принципом большинства голосов, которым приписывается равный вес. Эти основополагающие характеристики согласуются с тем фактом, что все демократические решения могут быть изменены, поскольку они «не просто застывший результат» частных интересов граждан или «неполитических» аргументов, а выражение того политического образа действий, который присущ свободным и равным гражданам в публичном пространстве и который отождествляется с политическим обсуждением в его наиболее широком смысле¹⁹. Поли-

19. Rawls J. The Idea of Public Reason Revisited (1997) // *Collected Papers* / S. Freeman (ed.). Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. P. 579–580.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru